

Дебора Ялен

(Университет Колорадо, Форт-Коллинз, США)

Профессор департамента истории, Университет Колорадо; редактор отдела рецензий журнала «East European Jewish Affairs»

E-mail: Deborah.Yalen@colostate.edu

ORCID ID: 0000-0002-0005-3765

Этнограф И.М. Пульнер и его научное наследие: путешествие по страницам «Советиш Геймланд»

Аннотация: Статья посвящена научному наследию И.М. Пульнера, директора Еврейской секции Государственного музея этнографии (ГМЭ) в Ленинграде с конца 1930-х годов до вторжения нацистов в Советский Союз. В работе также рассматривается значение коллекции предметов материальной культуры из ГМЭ для советской еврейской этнографии в межвоенный период. Автор рассказывает об «открытии» Пульнера советскими еврейскими интеллектуалами в 1970-е гг. и об истории одного надолго утерянного архивного документа, который хранится сейчас в Институте еврейских исследований YIVO в Нью-Йорке.

Ключевые слова: И.М. Пульнер, Государственный музей этнографии, Sovetish Heymland, YIVO, материальная культура, «Еврейские пословицы и поговорки о пище»

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.4

В 1969 г. в одной из статей выходящего на идише журнала «Советиш Геймланд» был представлен обзор еврейских артефактов из постоянной коллекции Государственного музея этнографии (ГМЭ) в Ленинграде [Ziazeva, Shangina 1969, 147–148]. В статье сотрудников музея Л. Зязевой и Б. Шангиной содержалось краткое описание материальных объектов, относящихся к дореволюционной эпохе, включая традиционную еврейскую одежду, головные уборы, обувь, женские парики и ритуальные предметы, такие как коробки для специй и подсвечники. По словам авторов, эти материалы были приобретены «научными работниками» музея во время экспедиций, проведенных в Украине и Белоруссии под руководством этнографов Ф. Волкова, А. Миллера и А. Сержпутовского.

Несмотря на то, что статья заслуживает внимания, поскольку указывает на наличие еврейской коллекции в ГМЭ в Ленинграде, многие важные детали в ней были опущены. В ней нет никаких упоминаний о новаторской

работе этнографа С. Ан-ского¹ или о том, каким образом столь большое количество артефактов, собранных им во время экспедиций по территории черты еврейской оседлости в 1912–1914 гг., попали в коллекцию ГМЭ².

В статье не упоминается также и о существовании еврейского отдела в ГМЭ в конце 1930-х годов, и о работе руководителя отдела, этнографа Иегошуа (Исаия Менделевича) Пульнера, который стал главным хранителем перечисленных артефактов в годы, предшествовавшие нацистскому вторжению в Советский Союз. В статье нет сведений о еврейской коллекции в советское время, однако содержится невольное указание на то, что история коллекции выходит за рамки дореволюционной эпохи: подпись к фотографии деревянных шахмат работы еврейского ремесленника датирует их приобретение 1930-ми годами [Ziazeva, Shangina 1969, 148].

Сорок лет спустя, в 2009 г. в издании «Еврейские сокровища Петербурга: ашкеназские коллекции Российского этнографического музея» было воспроизведено изображение этого шахматного набора и указано, что он приобретен Пульнером во время посещения Музея еврейской культуры им. Менделе Мойхера-Сфорима в Одессе в 1938 г. [Урицкая, Якерсон 2009, 146, 228]³.

Публикация статьи Зязевой и Шангиной в 1969 г. дала читателям хотя бы фрагментарное представление о сокровищнице той культуры, которая в этот период оставалась недоступной для широкой публики⁴. Несмотря на то, что этнографическое изучение евреев в ранний советский период и межвоенные годы пользовалось государственной поддержкой, а в конце 1930-х годов в ГМЭ был создан еврейский отдел, сведения о работе дореволюционных «буржуазных националистов» (таких, как Ан-ский) оставались под запретом. За время своего непродолжительного существования в конце 1930-х годов еврейский отдел, как представляется, сохранял свое устойчивое положение в структуре музея, о чем свидетельствует масштабная и

¹ См. о нем [Safran 2010].

² О попытках Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО) восстановить право собственности на эти материалы, включая расшифровку переписки между ЕИЭО и Этнографическим отделом Русского Государственного музея, см. [Pevzner 2008].

³ Набор хранится в коллекции № 6402 в Российском этнографическом музее. Скорее всего, именно он был представлен на выставке 1939 г. «Евреи в царской России и в СССР» в Государственном этнографическом музее. Как упоминает Александр Иванов, в рецензии на выставку в газете «Ленинградская правда» этот шахматный набор был отмечен как «замечательная работа еврейского ремесленника» (см.: [Ivanov 2013, 48]).

⁴ Об отсутствии доступа к коллекциям см., например: [Krupnik 1989, 46; Khazanov 1987, 52]. Анатолий Хазанов предполагает, что еврейские коллекции в советских музеях были не только закрыты для исследователей, но в некоторых случаях даже уничтожены.

продолжительная выставка «Евреи в царской России и в СССР», которая экспонировалась вплоть до нацистского нашествия⁵.

Кроме того, архивные записи показывают, что у Пульнера была обширная исследовательская и кураторская программа, запланированная на следующие несколько лет⁶. Однако в антисемитской атмосфере послевоенного сталинизма деятели еврейской культуры и сама она подвергались преследованиям, а еврейский отдел ГМЭ был закрыт вплоть до конца советской эпохи. Возможно, фрагментарные сведения, представленные в статье Зязевой и Шангиной, были первым за многие годы упоминанием о существовании еврейской коллекции в Государственном этнографическом музее.

Почти двадцать лет спустя, в эпоху перестройки и гласности, Игорь Крупник в статье в «Советиш Геймланд» постарался восполнить некоторые наиболее вопиющие пробелы в указании происхождения предметов, впервые описанных Зязевой и Шангиной [Krupnik 1988, 74–81; 1989, 35–48]. Опираясь на архивные документы, Крупник предложил, пожалуй, самую тщательную на сегодняшний день реконструкцию перемещения этих артефактов (включая набор деревянных шахмат) – от частных к государственным учреждениям в период до и после Второй мировой войны. Крупник пришел к заключению, что, по всей вероятности, происхождение многих (или даже большинства) этих артефактов можно проследить и возвести к экспедиции Ан-ского. Тем не менее, как сообщает Крупник, публичный доступ к коллекции оставался строго ограниченным. Выражая благодарность сотрудникам музея за бережное хранение артефактов на протяжении десятилетий, Крупник отмечает, что «в настоящее время в экспозиции музея нет ни одного еврейского предмета». И добавляет: «Сотрудники Государственного этнографического музея сделали все возможное для сохранности этих коллекций. Теперь эти объекты должны служить науке и людям» [Krupnik 1988, 74; 1989, 46].

В свое время «Советиш Геймланд» часто подвергался критике как пропагандистский орган, призванный убедить иностранную аудиторию в том, что советский режим терпимо относится к еврейской культуре и даже поддерживает ее⁷. Тем не менее даже в ограниченных идеологических рамках позднесоветского периода в этом журнале публиковались важные и ценные свидетельства о том, как писатели и деятели культуры пытались собрать воедино забытые главы еврейской культурной истории. Всего через несколько лет после статьи Зязевой и Шангиной 1969 г. в журнале появи-

⁵ Об истории еврейского отдела ГМЭ и его деятельности см. [Yalen 2016]. Подробный анализ выставки 1939 г., созданной еврейским отделом, см.: [Иванов 2010; Ivanov 2013].

⁶ См., например: И.М. Пульнер, «План работы еврейской секции ГМЭ на 1940 г.» 21 января, 1940 [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 47].

⁷ См., например, критику Хазанова [Khazanov 1987]. Об истории «Советиш Геймланд» см. [Estraikh 2008], особенно гл. 3.

лась серия статей, в которых были приведены новые сведения о происхождении еврейской коллекции ГМЭ и ее бывших хранителей.

В 1974 г. Хаим Бейдер, постоянный автор «Советиш Геймланд», опубликовал обширный очерк под названием «Ленинградские мотивы» («*Lenin-grader motivn*»), в котором воздал должное еврейскому культурному наследию города. Бейдер описывает, как он узнал от своего коллеги, музыковеда Аарона Виньковецкого, о существовании еврейского этнографа И.М. Пульнера, который работал в Этнографическом музее в конце 1930-х годов и умер здесь во время блокады Ленинграда. Для Бейдера знакомство с научным наследием Пульнера, открытым ему Виньковецким, стало откровением. «Этот замечательный человек, которого я никогда в своей жизни не видел, предстал передо мной во всем своем величии и самоотверженности [*mesiresnefeshdikayt*]...» Бейдер был настолько потрясен историей этой доселе неизвестной личности, что попытался представить ее подробнее. В том же эссе он описал гравюру художника С. Юдовина, современника Пульнера, «В годы блокады». На этом автопортрете Юдовин изображает себя в зимнем пальто и шапке сгорбившимся над маленькой печкой и мольбертом в холодной ленинградской мастерской. На холсте перед ним – сцена насилия и разрушений, причиненных нацистами во время блокады Ленинграда. Бейдер предположил, что где-то поблизости в одиночестве прожил свои последние минуты Пульнер [Бейдер 1974, 9].

В 1975 г. Виньковецкий сам опубликовал более полный очерк о Пульнере под названием «Жизнь и творчество этнографа» («*Dos lebn un di arbet fun a etnograf*») в «Советиш Геймланд» [Vinkovetzky 1975, 162–165]⁸. Эта статья, видимо, была первым серьезным признанием ценности научного наследия Пульнера – и, таким образом, существования еврейского отдела в ГМЭ, – которая появилась в печати в Советском Союзе после молчания, длившегося с 1940-х годов. Свою статью, воздающую должное памяти ученого, Виньковецкий начал с горького рассказа о том, как Пульнер вместе с другими сотрудниками оставался в музее во время воздушных бомбардировок и пытался защитить музейные экспонаты, работал добровольцем в пожарной бригаде. 12 января 1942 г. Пульнер скончался от голода и истощения. Характеризуя Пульнера как неутомимого исследователя, Виньковецкий представил читателям «Советиш Геймланд» обзор его обширного личного архива, хранящегося в музее и включающего переписку, планы выставок, административные отчеты, проекты научных статей и многочисленные полевые тетради из экспедиций по изучению еврейских общин по всему Советскому Союзу⁹.

⁸ Виньковецкий тщательно изучал архив Моисея Береговского в Ленинграде. После эмиграции в Израиль в 1979 г. он составил и отредактировал (совместно с А. Ковнером и С. Лейхтером) четырехтомную «Антологию народных песен на идиш» (Иерусалим, 1983).

⁹ Виньковецкий не сообщает об обстоятельствах, благодаря которым он получил доступ к архивам.

Судя по нескольким полевым тетрадям, как отмечает Виньковецкий, Пульнер использовал в своих собственных исследованиях материал из обширного опросника Ан-ского на идише «Еврейская этнографическая программа» («Часть I: Человек» (Der mentsh)) [Vinkovetzky 1975, 163]¹⁰. Виньковецкий сообщает, что этот ценный массив документов был каталогизирован и сохранен в 95 папках в архиве музея. Он также цитирует слова известного этнографа Евгения Георгиевича Кагарова, одного из учителей Пульнера, который считал своего бывшего студента лучшим ученым в еврейской этнографии Советского Союза и одним из самых выдающихся представителей советской этнографической науки вообще¹¹. Однако, как следует из описания Хаима Бейдера, Пульнер был почти забыт, пока его не открыли заново на страницах «Советиш Геймланд».

Путешествие рукописи по миру: «Yidishe shprikhverter un redns-artn vegn shpayz»

Среди архивных материалов, хранящихся в Государственном музее, Виньковецкий выделил рукописное исследование Пульнера «Еврейские пословицы и поговорки о еде» («Yidishe shprikhverter un redns-artn vegn shpayz»), в котором содержалось более 300 выражений на идише, собранных в ходе этнографических экспедиций и научных исследований. В этой работе Пульнер провел систематическое сопоставление выражений на идише о еде с аналогичными выражениями на иврите, немецком, русском, белорусском и украинском языках и классифицировал их в соответствии с географическим распространением, технологиями приготовления продуктов, питательной ценностью и символическим значением. В конце статьи Виньковецкий приводит несколько пословиц и поговорок из оригинального текста.

«Еврейские пословицы и поговорки о еде», по-видимому, вызвали особый интерес Виньковецкого. Ему удалось изъять эту рукопись самостоятельно и вывезти ее контрабандой из страны, когда он эмигрировал в Израиль в конце 1970-х годов. В 2017 г., примерно через четыре десятилетия после того, как статья Виньковецкого о Пульнере была опубликована в «Советиш Геймланд», рукопись «Еврейских пословиц и поговорок о еде» возникла из небытия на аукционе личного архива Виньковецкого в США и

¹⁰ См. оригинал [An-sky 1914] и аннотированный перевод Натаниэля Дойча [Deutsch 2011].

¹¹ Виньковецкий не приводит цитату и ее источник, но это суждение практически идентично высказыванию Кагарова в 1939 г., когда он официально поддержал работу Пульнера: «И.М. Пульнер является в настоящее время лучшим в СССР знатоком этнографии евреев нашего Союза и одним из наиболее известных представителей советской этнографической науки вообще» [РЭМ, Ф. 9. Оп. 3. Д. 35. Л. 7].

была приобретена Институтом еврейских исследований в Нью-Йорке (Yidisher Visnshaftlekher institut – YIVO), где она теперь доступна для исследователей [YIVO, RG 2131, box 1]¹². Описание рукописи Виньковецким в «Советиш Геймланд» в 1975 г. может считаться единственным опубликованным упоминанием этого редкого документа (не считая приведенные аукционным домом сведения о происхождении рукописи)¹³.

Рукопись, которую Виньковецкий датирует 1926 г., является важной частью научного наследия Пульнера и служит дополнительным свидетельством его интереса к изучению еврейской материальной культуры. Предваряемая вступлением этнографа Э.Г. Кагарова (на идише), эта рукопись, видимо, готовилась к публикации¹⁴. Однако из-за большого объема необработанных данных, рукопись скорее напоминает полевые записные книжки, которые Пульнер вел во время нескольких своих этнографических экспедиций в 1920-х и начале 1930-х годов. Эти записные книжки, хранящиеся сегодня в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, содержат важную информацию о методологии Пульнера и его повседневному полевому опыту. Поскольку «Еврейские пословицы и поговорки о еде» столь недавно вновь появились в публичном пространстве и притом вдали от места своего первоначального хранения, настоящая статья представляет собой попытку сопоставить эту рукопись с другими полевыми тетрадями и публикациями Пульнера и содержит некоторые предварительные замечания о значении исследований «материальной культуры» для советской еврейской этнографии в межвоенные годы. Краткий обзор интеллектуальной и профессиональной биографии Пульнера поможет обеспечить настоящей работе исторический контекст.

Страницы биографии: подготовка советского еврейского этнографа¹⁵

Жизненная траектория у родившегося в 1900 г. в местечке Сновск (Черниговская губерния) Пульнера была типичной для целого поколения молодых советских евреев, которые после краха старого режима мигрирова-

¹² Благодарю доктора Эдди Портного из Института YIVO за сообщение о приобретении рукописи.

¹³ Насколько мне известно, в архиве РЭМ нет дубликата этой работы.

¹⁴ Двухстраничный документ в архиве Русского этнографического музея позволяет предположить, что статья находилась в стадии подготовки, но дата не указана. См.: РЭМ 9-2-30 «Еврейские высказывания о еде. Тезисы статьи». В отчете Пульнера за 1935 г. упоминается подготовка статьи (см. [Архив РНБ, Ф. 10/1]), но, согласно заметкам Кагарова от 1939 г., по состоянию на 1939 г. рукопись оставалась неопубликованной.

¹⁵ Этот раздел основан на материале, ранее опубликованном в [Yalen 2016, 119–145].

ли в крупные городские центры в поисках новых образовательных и профессиональных возможностей.

Его отец, по профессии бухгалтер, считался ученым талмудистом, и последующая научная деятельность Пульнера свидетельствует о владении не только родным для него идишем, но и ивритом [Виньковецкий 1975]. Позднее семья переехала в Гомель, где прошли годы становления Пульнера и в 1919 г. он окончил общеобразовательную гимназию А.Е. Ратнера для еврейских юношей. После непродолжительной работы в местной администрации он переехал в Петроград, учился в Петроградском институте еврейских знаний с 1923 по 1925 гг.¹⁶ В 1926 г. он поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета, где в 1930 г. получил диплом этнографа Кавказского региона (этнограф-кавказовед).

Будучи аспирантом, Пульнер работал под руководством выдающихся этнографов В.Г. Богораз-Тана и Л.Я. Штернберга, а также Е.Г. Кагарова. В Ленинградском государственном университете его курсовая работа соответствовала строгим нормам учебных программ, установленным его преподавателями как в области теоретической, так и практической подготовки¹⁷. Теоретические занятия включали такие курсы, как эволюция материальной культуры, музееведение, сравнительное изучение фольклора, экспериментальная психология, доисторическая культура, экономическая география, общая геология, введение в биологию, этнография Кавказа, изучение грузинского и немецкого языков.

Практические занятия включали рисование, статистику, полевую географию, фотографию и семинары по таким темам, как «Эволюция религиозных верований», «Ислам» и «Эволюция социальной культуры». Помимо этого, студенты должны были изучать «политические предметы», включая исторический материализм, политическую экономию и историю коммунистической партии большевиков, а также военные дисциплины (например, военную администрацию, тактику и т. д.) [РЭМ, Ф. 1/ф.2. Оп. 3. Д. 188].

Ранний период образования и научных занятий Пульнера следует рассматривать в свете не только явной политизации этнографии при большевистском режиме, но и в связи с необычайными масштабами и темпами социальных преобразований, которые переживали в это время все советские граждане, включая и этнографов. Как продемонстрировала Франсин Хирш, этнографическая наука использовалась как инструмент советского государственного строительства. В соответствии с большевистской нацио-

¹⁶ В своей автобиографии Пульнер называет это заведение Ленинградским институтом еврейской истории и литературы. Во время пребывания в Институте он также занимал административную должность – с 1924 по 1925 г. был секретарем правления.

¹⁷ Обсуждение роли Л.Я. Штернберга в формировании учебной программы см. в гл. 7 в [Кап 2009].

Источник: *Sovetish heymland* № 12 (декабрь 1975), с. 163, из статьи *Vinkovetzky A.* «*Dos lebn un di arbet fun an etnograf*»

нальной политикой, подразделяющей различные популяции на «западные» или «восточные», перед этнографами была поставлена задача описывать народы СССР согласно марксистским классовыми критериями, объяснять взаимоотношения между классом и культурой и собирать данные о «производительных силах» населения [Hirsh 2005]¹⁸.

Эти данные не только легли в основу советского экономического планирования, но и использовались для просвещения масс: экспонаты этнографических музеев стали полезными инструментами советской пропаганды, иллюстрируя переход ранее угнетенных народов от «тьмы к свету»¹⁹. Таким образом, в советской этнографической науке в 1920-е годы

¹⁸ Как отмечает Терри Мартин, в советской национальной политике «западный» и «восточный» были скорее категориями, связанными с общественным развитием, чем с географией [Martin 2001, 23].

¹⁹ О выставках в Музее этнографии см. гл. 5 в [Hirsch 2005]. О еврейских музеях и их выставках в Советском Союзе см. публикации Марины Щербаковой, например: «К вопросу о концептуальном развитии еврейского музея и этнографии евреев на территории Украины в 1917–1941 гг.» в данном номере журнала и «Between Two

доминировало стремление отразить стремительный переход от «старого» к «новому» в образе жизни и быте у народов СССР.

Следует иметь в виду, что катаклизмы, происходившие в советском обществе, отражались и на этнографии. Когда молодые еврейские этнографы, такие как Пульнер, захотели специализироваться на изучении своих соплеменников, они с определенного момента начали программу автоэтнографии, финансируемую, впрочем, государством и в значительной степени ограниченную идеологическими требованиями. Более того: Пульнер, которому исполнилось в период русских революций 1917 г. семнадцать лет, в каком-то смысле лично переживал тот самый переход от «старого» к «новому», который его учили наблюдать и описывать с отрешенной позиции профессионала. Поэтому линия, разделяющая наблюдателя и наблюдаемого, могла быть неопределенной.

Академическая подготовка и профессиональная деятельность Пульнера свидетельствуют о многообразии научных интересов, способности работать в нескольких идеологических регистрах и, вплоть до закрытия Еврейского историко-этнографического общества в 1929 г., одновременно участвовать как в независимых, так и в организуемых государством этнографических экспедициях.

Летом 1924 г. Пульнер проводил этнографические исследования в Гомеле в рамках масштабной аспирантской практики, посвященной изучению «западных евреев»²⁰, а в 1926 г. результаты этого проекта были представлены в сборнике под редакцией Богораза [Богораз 1926]²¹. Пульнер участвовал в последующих экспедициях в еврейские общины Белоруссии в 1927, 1930 и 1931 гг., Грузии – в 1926, 1928 и 1929 гг. В период с 1924 по 1931 гг. эти экспедиции финансировались различными организациями, включая Ленинградский институт еврейской истории и литературы, географический факультет Ленинградского государственного университета, Еврейское историко-этнографическое общество, Центральный музей народоведения в Москве, Институт по изучению народов СССР (ИПИИ) и Государственный Русский музей.

В 1929 г. Пульнер опубликовал две статьи, основанные на его экспедиционных исследованиях и посвященные еврейским народным верованиям и обрядам, связанным с беременностью, родами и новорожденным ребенком. Он продолжал работать над своей диссертацией о еврейских обрядах жизненного цикла в течение 1930-х годов и готовил ее к публикации под названием «Рождение, брак и смерть у евреев в свете этнографии», ког-

Worlds: Jewish Exhibitions in the Museums of Soviet Ukraine (1919–1939)» [Shcherbakova (in print)].

²⁰ Упоминание Пульнера о первоначальной цели экспедиции – изучении «западных евреев» см. [РЭМ, Ф. 9. Оп. 2. Д. 35. Л. 3].

²¹ Подробнее об экспедициях и итоговом сборнике см. в [Yalen 2007, 353–375].

да началась война. Значение этих работ и их связь друг с другом будут более подробно рассмотрены ниже.

С начала и до середины 1930-х годов у Пульнера одновременно были и другие занятия, включая музейное кураторство и библиографические исследования. В 1930 г. он разработал экспозиции «Иудаизм» для Академии наук и Государственного Антирелигиозного музея, расположенного в бывшем Исаакиевском соборе, и организовал еще одну «Еврейскую выставку» в Народном доме Максима Горького в Ленинграде в 1932 г. [Sokolova 2017]. В 1930 г. он вошел в Еврейскую рабочую группу Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где работал до 1937 г. В Публичке Пульнер был занят крупным проектом по каталогизации научных материалов еврейской тематики на разных языках²², а в 1931 г. он организовал в Ленинграде конференцию, на которую собрались представители еврейских отделов библиотек из Российской, Украинской и Белорусской республик [Архив РНБ, Ф. 10/1]. В том же 1931 г. он был включен в еврейскую рабочую группу Института по изучению народностей СССР (ИПИИ). В этом качестве он участвовал в этнографических экспедициях, являясь секретарем еврейской рабочей группы, и был уполномочен белорусским сектором ИПИИ и этнографическим отделом Государственного Русского музея разработать новую программу для экспозиций Еврейского этнографического музея в эпоху культурной революции. Это идеологически впечатляющее предложение было опубликовано в 1931 г. в журнале «Советская этнография» и будет рассмотрено ниже.

В 1934 г. был официально создан Государственный музей этнографии, а в 1937 г. Пульнер был назначен главой недавно созданного в музее еврейского отдела. В отличие от других исследовательских подразделений, которые были организованы по этнотерриториальному/республиканскому принципу, еврейский отдел был трансрегиональным по своему охвату, отражая экстерриториальный статус евреев в Советском Союзе в то время. Как свидетельствуют архивные документы, решение о создании еврейского отдела в ГМЭ было частично обусловлено ожиданием того, что статус Еврейской автономной области на Дальнем Востоке Советского Союза вскоре будет повышен до уровня союзной республики [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 22].

Совместно с другими специалистами, художниками и сотрудниками Пульнер организовал масштабную выставку «Евреи в царской России и в СССР», которая открылась в марте 1939 г. и была доступна для посетителей вплоть до вторжения нацистов в Советский Союз в июне 1941 г. [Государственный музей этнографии 1939; Иванов 2010; Ivanov 2013; Yalen 2016]. Кроме того, он старался пополнять коллекцию еврейских артефактов в

²² См., например, собранный Пульнером библиографический материал в его статье [Пульнер 1936, 105–121]. См. также: [ЦГАЛИ СПб., Ф. 97. Оп. 1. Д. 639, Ф. 97. Оп. 1. Д. 816.]

ГМЭ и расширять связи с сотрудниками других еврейских музеев Советского Союза [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 40; РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 46].

Несмотря на признание еврейской этнографии (о чем свидетельствует создание еврейского отдела и организация большой выставки), в неопубликованной переписке Пульнера с администрацией ГМЭ в 1937–1941 гг. постоянно выражается недовольство пробелами и недостатками в еврейской коллекции музея, особенно в сфере материальной культуры [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 49]. Пульнер видел эти недостатки в замедлении темпов еврейских этнографических исследований по сравнению с изучением других народов СССР и предупреждал руководство, что возможности для сбора подлинного этнографического материала быстро исчезнут из-за ускоренных темпов советской модернизации. В то же время архивные записи свидетельствуют о том, что в еврейском отделе была разработана обширная программа, запланированная на начало 1940-х годов и предусматривающая дальнейшее финансирование [РЭМ, Ф. 2. Оп. 1. Д. 833]. Планируемая программа включала расширение выставки «Евреи в царской России и в СССР», издание нескольких научных трудов, организацию передвижных этнографических выставок и экспедиции в еврейские общины, проживающие на недавно аннексированных территориях Восточной Польши («Западная Украина» и «Западная Белоруссия») [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 47; Yalen 2016]. 4 июня 1941 г., всего за несколько недель до нападения Германии на СССР, Пульнер подал руководству ГМЭ заявку, где был представлен маршрут исследовательских экспедиций (Львов, Тернополь/Тернополь, Станиславов и Ровно), которые предполагалось начать между 20 и 25 июня 1941 г. [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 49. Л. 2]. Нацистское вторжение разрушило эти планы. Пульнер умер во время блокады Ленинграда в январе 1942 г. Однако вплоть до своей безвременной кончины он принимал участие во множестве научных проектов, и, несмотря на недовольство Пульнера финансированием и административной волокитой²⁵, официальное положение еврейского отдела ГМЭ накануне войны представляется прочным.

Писать в разных регистрах: между Ан-ским и марксизмом-ленинизмом?

Для молодого этнографа Пульнера, который сам вырос в бывшей еврейской черте оседлости, задача изучения евреев и еврейской культуры в марксистско-ленинском стиле несомненно вызывала ряд теоретических вопросов. В то время как Ан-ский характеризовал восточноевропейскую еврейскую народную культуру как драгоценную разновидность «Устной

²⁵ См., например, его докладную записку о задержках финансирования экспедиции 1939 г. [РЭМ, Ф. 9. Оп. 1. Д. 25]. Как представляется, эти срывы были связаны в большей степени с неэффективностью руководства, чем с идеологическими вопросами.

Торы», которая отражала саму суть еврейского народа [Ан-ский 1908; Safran 2010; Deutsch 2011], советская этнография подходила к таким явлениям, как религиозные верования, обычаи и суеверия, с культурно-эволюционной точки зрения, адаптированной к марксистской идеологии: подобные культурные «пережитки» были важны постольку, поскольку свидетельствовали об истории классово-борьбы. С точки зрения науки, такие «пережитки» следовало документировать, изучать и в условиях тщательного контроля показывать в музеях в целях общественного образования²⁴. Но как именно следует изучать и презентовать хорошо образованное население, культурные «пережитки» которого были отражением «мелкобуржуазного капитализма»; население, которое занимало исторически неоднозначное положение между городским и сельским населением? Полевые тетради Пульнера, в которых содержится большое количество транскрипций еврейских фольклорных текстов, собранных от информантов, свидетельствуют о его глубоком понимании и высокой оценке методологии Ан-ского. Однако его толкование этой информации в опубликованных работах широко варьируется – от описательного до идеологически воинствующего. Его исследовательская работа отражает широкий спектр идеологических регистров и влияний и не поддается простой классификации²⁵.

В первой крупной публикации Пульнера, подготовленной еще в аспирантуре, «Из жизни города Гомеля», которую сам автор характеризовал как «этнографо-экономический очерк» [РНБ, Ф. 10/1], описываются социально-экономические преобразования, происходящие в среде еврейских рабочих, ремесленников и торговцев в этом значительном в 1924 г. городском центре. В идеологическом плане в исследовании отчетливо проявилось влияние его редактора В.Г. Богораза, поскольку основное внимание уделялось переходу от «старого» к «новому» и воздействию революционных преобразований на еврейскую среду. В статье представлено динамичное социологическое описание враждующих идеологических лагерей – бундовцев, выступающих против сионистов и традиционалистов, – а также того, как различные группы евреев справлялись с экономическими кризисами эпохи Гражданской войны и НЭПа. Пульнер рассматривает конфликты между поколениями и роль детей в вовлечении родителей в революционную культуру и привлекает обширные статистические данные о еврейских ремесленниках. Несмотря на то, что в «Из жизни Гомеля» подчеркивается идея о конце старого мира и триумфальном шествии советской власти, многое свидетельствует о влиянии на исследование «народнического» писателя и

²⁴ Вопрос о том, нужно ли представлять эти «пережитки» публике, был дискуссионным. Советский фольклорист Меир Винер, например, считал, что такие материалы должны оставаться в руках ученых. См. [Krutikov 2011].

²⁵ См. важное обсуждение того, как советские ученые учились говорить на государственном языке, чтобы продвигать свои научные исследования, в [Krementsov 2006, 1173–1204; David-Fox, Péteri 2000].

фольклориста С. Ан-ского, хотя его имя и не упоминается в публикациях Пульнера.

В 1926 г., еще будучи аспирантом, Пульнер получил задание каталогизировать коллекцию, которую Ан-ский временно оставил на попечение Государственного Русского музея в 1917–1918 гг.²⁶ Его глубокое знакомство с обширным опросником на идише, использовавшемся в экспедиции Ан-ского, очевидно в его собственных неопубликованных полевых тетрадах, где он приводит многие вопросы Ан-ского и пытается ответить на них, основываясь на своих собственных наблюдениях²⁷.

Например, во время студенческой поездки в Кутаиси в августе 1926 г. он явно опирался в своем интервью с местным раввином М. Давиташвили на этот опросник, свои заметки он озаглавил «Ответы на вопросы «Еврейской этнографической программы» Ан-ского под редакцией Льва Штернберга, собранные студентом ЛГУ И.М. Пульнером в Кутаиси, Грузинской ССР, во время этнографической практики»²⁸. Примерно к этому же времени относится работа «Еврейские пословицы и поговорки о еде», и хотя Пульнер здесь прямо не упоминает Ан-ского, он отмечает, что «пословицы и поговорки дают нам возможность и материал для изучения языка, народной психологии и философии» [Pulner 1926, 39]. Он продолжал использовать опросник 1912 г. в последующих исследовательских экспедициях в Белоруссию в 1927 и 1930 гг., часто синхронизируя свои записи интервью с соответствующими вопросами из оригинальной программы, составленной Ан-ским и отредактированной Штернбергом. В полевых тетрадах Пульнера содержится множество рукописных заметок, в основном на идише, о еврейских народных приметах и поверьях. Например, во время поездки в Белоруссию в мае 1927 г. Пульнер на небольших карточках записывал сведения по еврейской народной медицине, примеры и поверья о беременности, а также о средствах от диареи, кожных заболеваний, зубных болей и слепоты²⁹. Несколько месяцев спустя, в июле 1927 г. Пульнер отправился в село Завережье (Могилевский район, БССР) для изучения повседневной жизни еврейских крестьян. Находясь там, он собирал материал о заговорах

²⁶ Безвременная смерть Ан-ского в 1920 г. не позволила ему получить эти материалы обратно, и в конечном итоге они были национализированы советским государством. Еврейское историко-этнографическое общество безуспешно пыталось получить эти материалы из Государственного Русского музея, и в 1934 г. они были переданы в Государственный этнографический музей. См. [Pevzner 2008, 120–171]. Об обстоятельствах бегства Ан-ского из Советской России в 1918 г. см. [Safran 2010].

²⁷ См. об оригинале опросника: [Deutsch 2011].

²⁸ См., например: «Сообщения кутаисского раввина М. Давиташвили. Ответы на вопросы «Еврейской этнографической программы, раздела о браке» Ан-ского. Записано И.М. Пульнером 9 августа 1926 г. в Кутаиси, Грузинская ССР» [РЭМ, Ф. 9. Оп. 1. Д. 10. Л. 10]. Виньковецкий также упоминает об этом [Vinkovetzky 1975, 163].

²⁹ «Народные приметы и поверья, записанные И. Пульнером во время экспедиции в Белоруссию в мае 1927 г.» (на идише) [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 5].

и заклинаниях, предназначенных для решения ряда проблем, как «земных» («Когда твоя корова заблудилась в лесу»), так и «сердечных» («Когда кто-то хочет узнать, кто ему предназначен (*bashert*)»³⁰. Он собирал аналогичные фольклорные сведения о верованиях и практиках во время экспедиций в Грузию. Тот факт, что Пульнер также участвовал в этнографической экспедиции в Грузинскую ССР под эгидой Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО) в 1929 г. и официально был в этом году для ЕИЭО консультантом, свидетельствует о его тесной связи с «буржуазным» учреждением, которое вскоре было закрыто большевистскими властями.

Несмотря на то, что Пульнер не упоминал Ан-ского в своих публикациях, следы его влияния очевидны в двух статьях, которые Пульнер опубликовал в 1929 г. о еврейских народных верованиях и обрядах, связанных с беременностью, родами и новорожденным ребенком. Статья «О фольклоре грузинских евреев», опубликованная на немецком языке в Вене, описывает результаты полевых экспедиций, организованных Ленинградским государственным университетом в 1926 и 1928 гг. в Грузинскую ССР [Pulner 1929, 60–65]. В другой статье – «Обряды и поверья, связанные с беременностью, родами и новорожденным у евреев», – опубликованной на украинском языке в «Этнографическом вестнике» Этнографической комиссии Академии наук Украины, был предложен сравнительный подход к еврейской и славянской культурам. В этой статье Пульнер использовал ряд до-революционных и современных источников, в том числе материал, который он собрал в Заверезье (БССР) в 1927 г., и исследование своего коллеги Залмена Амитина-Шапира по советской Средней Азии [Пульнер 1928, 100–114]³¹. Пульнер многократно ссылался на Ветхий Завет и Талмуд, а также на еврейские литературные источники о демоне Лилит. Обе эти статьи носят в основном описательный характер и отличаются отсутствием открыто тенденциозной политической риторики.

Диссертация Пульнера «Свадебные обряды у евреев» (объемом 306 страниц), которая до его смерти так и оставалась неопубликованной³², показывает, как тема, столь тесно связанная с исследованиями «буржуазного националиста» Ан-ского, может быть приспособлена к марксистско-ленинской установке. С одной стороны, эта тема исследования была обычной для молодого советского этнографа: в идеологически ориентированных

³⁰ «Записи заговоров и заклинаний, собранных И.М. Пульнером в Белоруссии летом 1927 г. [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 4. Лл. 13, 18].

³¹ Ссылку Пульнера на материал, собранный в 1927 г. в Заверезье (БССР), см. [Пульнер 1928, 103, сноска 2].

³² Хранящаяся в архиве диссертация Пульнера не датирована, но другие опубликованные и архивные источники указывают на то, что Пульнер начал работать над ней еще будучи аспирантом и продолжал дорабатывать в течение 1930-х годов. Он намеревался закончить и опубликовать ее в виде книги, когда нацисты вторглись в Советский Союз.

учебных программах того времени институт брака считался особенно подходящим объектом для марксистского классового анализа³³. С другой стороны, выбор Пульнером именно этой темы для диссертации может быть истолкован также как своего рода форма диалога с научным наследием Анского, собиравшим этнографические данные о еврейском жизненном цикле и включившим этнографический материал о свадьбе в свою знаменитую пьесу «Диббук». В уникальном исследовании еврейских ашкеназских свадебных обрядов этнографические данные, собранные Пульнером, у информантов в советских Белоруссии и Украине, сопоставляются с библейскими и талмудическими материалами, литературными и историческими текстами и фольклорными источниками (поговорки, популярные песни, мелодии и т. д.)³⁴. Как отметил Валерий Дымшиц, если бы это исследование было опубликовано до войны, оно стало бы уникальным вкладом в восточноевропейскую еврейскую этнографическую науку, развитие которой отставало по сравнению со славянской этнографией и в которой в то время отсутствовал систематический анализ еврейских свадебных обрядов³⁵.

Устойчивый интерес Пульнера к «еврейской женщине» как предмету этнографического исследования также хорошо согласуется с марксистскими принципами. Его диссертация не только охватывает полный цикл свадебных ритуалов, в которых участвуют как жених, так и невеста, но представляет также уникальную информацию об определяющем событии жизненного цикла традиционно воспитанной еврейской женщины, когда она переходит рубеж, отделяющий детство от периода брака, связанных с ним обязанностей и предстоящего материнства. Согласно архивным записям, в кураторские планы Пульнера накануне Второй мировой войны входило создание специальной передвижной этнографической выставки, посвященной изменяющемуся статусу еврейских женщин от поздней Российской империи до современности³⁶. Несмотря на то, что Пульнер последовательно строил свои этнографические исследования исходя из перспективы освобождения еврейской женщины от раввинского патриархата, его подробные описания религиозных верований и народных обрядов тем не менее содержали значительный объем сведений по традиционному иудаизму.

³³ Я благодарна Валерию Дымшицу за консультации по этому вопросу. Следует отметить, что Лев Штернберг отредактировал сборник очерков о свадьбе, но в него не вошли материалы о евреях. См. [Штернберг, 1926].

³⁴ См., например: [Хаздан 2014].

³⁵ Электронная переписка Валерия Дымшица с автором (август 2017).

³⁶ См., например, его записку руководству от 21 января 1940 г. «План работы еврейской секции ГМЭ на 1940 г.» [РЭМ, Ф. 2. Оп. 5. Д. 47. Лл. 1–2]. Он надеялся показать такую выставку еврейской общественности на всей территории Советского Союза, а также на оккупированных Советским Союзом территориях Польши (в сталинской терминологии того времени – «Западная Украина» и «Западная Белоруссия»).

«Великий перелом» и вступление Пульнера в еврейскую рабочую группу Института по изучению народностей СССР (ИПИН)

Заметный сдвиг в риторическом стиле Пульнера произошел в 1931 г., когда он был принят в еврейскую рабочую группу Института по изучению народностей СССР [Hirsch 2005]. ИПИН был организован в 1930 г. Академией наук с целью изучения влияния коллективизации и индустриализации и связанных с ними экономических реформ на «этно-историческое развитие» населения [Hirsch 2005, 143]. Таким образом, работа ИПИН была очевидным образом связана с целями «социалистического строительства» в эпоху первой пятилетки. Это начинание приобрело еще большее значение, когда в 1931 г. режим призвал советских антропологов и этнографов, связанных с ИПИН, опровергнуть нацистские теории расы и биологического детерминизма [Hirsch 2005, 232–233, 250]. Специалисты были направлены для изучения различных групп советского населения с целью сбора антропометрических данных, проведения анализов крови и исследований трудоспособности, чтобы предоставить научные доказательства того, что не раса, а среда определяет человеческий потенциал [Hirsch 2005, 251]. Эта кампания охватила всю страну, и власти были особенно озабочены этническими группами на советском Дальнем Востоке, но среди тех, кто изучал еврейские общины, это, вероятно, вызвало уникальный резонанс.

Будучи членом ИПИН, Пульнер участвовал в этнографических экспедициях в Белоруссию и был секретарем еврейской рабочей группы [СПбФ АРАН, Ф. 135. Оп. 1. Д. 244]. Главной задачей этой группы было описание «производительных сил» еврейских общин, особенно тех, которые переходили к сельскохозяйственным видам производства. Неясно, как долго действовала еврейская рабочая группа ИПИН, однако протоколы заседаний Президиума, составленные Пульнером в 1931 г., дают представление о ее предполагаемых задачах (см., например [СПбФ АРАН, Ф. 135. Оп. 1. Д. 244. Лл. 180–185]). В Президиум из группы входили, по-видимому, лишь Пульнер и М.А. Брамсон, но они обсуждали возможность приглашения широкого круга специалистов в еврейскую рабочую группу, в том числе ученых, получивших образование в дореволюционный период. Две из обсуждавшихся кандидатур (В.И. Биншток и М.М. Гран) ранее опубликовали свое исследование в журнале «Вопросы биологии и патологии евреев», последний номер которого был издан в 1930 г. Можно сказать, что задолго до 1931 г. эти ученые уже исследовали «производительные силы» евреев, хотя и использовали другую терминологию – и по совершенно другим идеологическим причинам³⁷. Тот факт, что некоторые из них были приглашены в

³⁷ Вопрос о физической «реабилитации» евреев представлял интерес для ученых и общественных деятелей различных политических убеждений. См., например, недавно опубликованное исследование о евреях и «положительной евгенике»: [Mogilner 2019].

еврейскую рабочую группу ИПИН, требует дальнейших исследований, но можно предположить, что в воинственной идеологической атмосфере культурной революции эта еврейская рабочая группа служила идеологически приемлемым местом для продолжения медицинских и антропологических исследований под видом марксистско-ленинской деятельности.

Независимо от того, насколько долго продолжалась деятельность этой группы, ее «смешанный» состав подчеркивает изменчивость поддерживаемых государством еврейских исследований того времени и совмещение «новых» и «старых» программ исследований. Находящиеся под прикрытием марксистско-ленинской риторики об изучении «производительных сил» исследовательские планы группы, подробно изложенные в протоколах заседаний, были в основном связаны с обеспечением контактов и координацией деятельности еврейских исследовательских организаций по всему Советскому Союзу. В протоколе Президиума подчеркивается важность рационализации усилий различных еврейских научных организаций и устранения «параллелизма» в исследовательской деятельности [СПбФ АРАН, Ф. 135. Оп. 1. Д. 244. Л. 182]. Текущие и предлагаемые проекты включали не только изучение «производительных сил» советских евреев, но и обширную библиографическую работу, сбор и инвентаризацию этнографических предметов и художественных произведений, а также организацию музейных экспонатов. Действительно, в планах, изложенных в протоколах еврейской рабочей группы ИПИН, было много общего с деятельностью недавно закрытого «буржуазно-националистического» Еврейского историко-этнографического общества. Несмотря на то, что в протоколах заседаний содержатся обязательные формулировки об изучении «производительных сил», они также свидетельствуют о попытке группы ученых использовать свои поддерживаемые государством ресурсы для организации сети еврейских исследований в стране.

Идеологическая двусмысленность этих неопубликованных протоколов, однако, полностью отсутствует в статье, которую Пульнер опубликовал в 1931 г. по просьбе белорусского сектора ИПИН и этнографического отдела Государственного Русского музея в Ленинграде. Статья «Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях» [Пульнер 1931] содержала воинственно-идеологическую критику «буржуазных» еврейских музеев и была манифестом создания новых выставок в эпоху культурной революции. Учитывая широкую кампанию против «буржуазных специалистов» и усилия Государственного Русского музея в начале 1930-х годов по замене старых сотрудников новым поколением идеологически надежных этнографов⁵⁸, можно предположить, что эта статья свидетельствует о сознательном намерении Пульнера – по убеждению или по необходимости – продемонстрировать свою

⁵⁸ О реорганизации музейной структуры см. гл. 5 в [Hirsch 2005].

партийность. Тенденциозная риторика статьи оставляет совершенно иное впечатление об авторе, который всего двумя годами ранее публиковал относительно аполитичные работы о еврейских народных верованиях и обрядах, связанных с беременностью и родами³⁹.

Пульнер начинает свою статью с объявления о крахе «старой буржуазной музейной структуры». На ее месте «создаются новые советские этнографические музеи с новыми целями и марксистско-ленинской методологией». Отказываясь от всего наследия старой музейной системы, созданной «этнографами-народниками», он с особой горячностью пишет о задачах еврейских этнографов и этнографических музеев. Он утверждал, что в том же духе, в котором царский режим проводил принцип великорусского шовинизма, еврейские ученые продвигали ложное представление о еврейском народе как «едином, неделимом и бесклассовом». Он вызывающе сравнивал сионистов и антисемитов, объединившихся в продвижении идеи единого «мирового еврейства». Согласно Пульнеру, буржуазные еврейские музеи ставили религию – культ – в центр своей экспозиции, и тем самым «...замыкали еврейскую культуру в узкие, националистические рамки, отрывали ее от всего окружающего, идеализировали, облагораживали» [Пульнер 1931, 157].

Вместо этого, настаивал Пульнер, евреев следует изучать как неотъемлемую часть их же географического и социально-экономического окружения. Отмечая, что «евреи, живущие в границах СССР, как и евреи других стран, не представляют собой единый национальный организм», Пульнер разделял еврейское население на пять отдельных категорий: 1) западные евреи; 2) грузинские евреи; 3) горские (дагестанские) евреи; 4) крымские евреи; 5) среднеазиатские, или бухарские евреи. «Поэтому нельзя экспонировать все еврейские этнические группы, проживающие в СССР, совместно, – писал он. – Евреев грузинских следует экспонировать в окружении грузин, горских – Дагестана и т.д. Западных евреев, проживающих в УССР, БССР и РСФСР, следует экспонировать в каждой из названных республик...» [Пульнер 1931, 158]⁴⁰. Примечательно, однако, что Пульнер посвятил основную часть своей статьи истории и этнографии говорящих на идише «западных» евреев, живущих в районах бывшей черты еврейской оседлости.

³⁹ В статье Пульнера 1929 г. в «Етнографічному віснику» Украинской Академии наук подчеркивалось взаимное влияние еврейской и славянской культур, однако здесь не было той неприкрытой политической риторики и догматической терминологии, которой эта тема сопровождалась в его статье 1931 г.

⁴⁰ Хотя Пульнер помещал свои аргументы в идеологические рамки большевистской национальной политики, важно помнить, что как бывший член ЕИЭО он уже участвовал в дискуссиях о разнообразии евреев в бывшей Российской империи с весьма отличной от декларируемой здесь политической платформы. См. подробнее о подходе ЕИЭО к неашкеназскому еврейству Российской империи [Veidlinger 2009, 274–282].

В соответствии с задачами ИПИН, статья Пульнера касалась, прежде всего, представления социально-экономической модернизации еврейского населения (в данном случае – «западных» евреев). В ней предлагалось разделить еврейские этнографические экспонаты на два раздела, посвященные соответственно старому, «частному», и новому, «социалистическому», образу жизни, см.: [Иванов 2010; Ivanov, 2013]. Раздел о жизни при советской власти призван продемонстрировать новые общественные отношения, культурное просвещение, современную медицину и экономическую «производительность» сельскохозяйственного и промышленного труда и тщательно придерживается определения советской еврейской идентичности как «национальной по форме и социалистической по содержанию».

Вместе с тем Пульнер подробно останавливается на музейном представлении жизни при старом режиме, уделяя большое внимание особенностям еврейской религии и традиции. Посетители этой гипотетической экспозиции могли бы узнать о «классовом происхождении» различных обрядов и праздников, их роли в «противодействии социалистическому строительству», а также об «антинаучной основе» традиционной еврейской народной медицины и ее угрозе общественному здоровью. Они также получили бы существенные сведения о еврейском религиозном календаре и событиях жизненного цикла, связанных с рождением, браком и смертью. Хотя эти подробности, вероятно, исчезли бы сами по себе из коллективной памяти в ходе ассимиляции, теория создания музейной экспозиции Пульнера фактически гарантировала, что традиционная еврейская культура останется в поле зрения общества. Статья «Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях» представляется подробным культурным революционным манифестом, который однозначно осуждает старых народников-этнографов и призывает к чисто материалистической интерпретации иудаизма и еврейской цивилизации. При сопоставлении с неопубликованной записью, в том числе с протоколами Пульнера с заседаний еврейской рабочей группы ИПИН за тот же год, общая картина становится менее однозначной.

«Еврейские пословицы и поговорки о еде»

В статье Пульнера 1931 г. об организации еврейских этнографических выставок обсуждались и «пережитки» старого образа жизни, которые сохраняются даже в эпоху социалистического строительства. В этой связи интересно рассмотреть его исследование «Еврейские пословицы и поговорки о еде», которое было первоначально подготовлено в 1926 г. и, хотя и предназначалось для издания и неоднократно перерабатывалось, оставалось по состоянию на 1939 г. неопубликованным. Рукопись открывается

предисловием на идише учителя Пульнера, этнолога Э.Г. Кагарова⁴¹, который характеризует исследование Пульнера как «культурно-исторический анализ еврейских пословиц и поговорок о еде», основанный на древнееврейских талмудических текстах, а также на идишских, немецких, латинских, греческих, польских, украинских, белорусских и румынских источниках. Своим сравнительным и научным (*visnshaftlekhe*) подходом к еврейским выражениям о еде, добавляет он, исследование Пульнера качественно отличается от предыдущих усилий ученых, которые просто собирали данные. «Возможно, не все его методы верны, и, возможно, не все его выводы убедительны», – признает Кагаров, но «как первая попытка научного изучения этого вопроса работа И.М. Пульнера, без сомнения, представляет большой интерес» [Pulner 1926, 1].

Пульнер начинает «Еврейские пословицы и поговорки о еде» с критики исследования «Первобытная культура» (1871) британского антрополога Эдварда Бернетта Тайлора. Согласно Пульнеру, Тайлор ошибочно полагал, что народные выражения остаются неизменными на протяжении поколений. Пульнер, напротив, утверждает, что язык динамичен и постоянно развивается. Он приводит примеры фразеологизмов, записанных во время этнографических экспедиций, а также из литературных источников (таких как произведения Шолом-Алейхема). В рукописи содержатся подробные графики и таблицы, составленные в соответствии с типами пищи, методами ее приготовления, питательной ценностью, географией распространения и символическим значением блюд. Ряд пословиц и поговорок, представленных в рукописи и частично включенных Виньковецким в его статью 1975 г. в «Советиш Геймланд», отражает универсальные темы. Например: «Az me hot nit keyn broyt, iz erger vi der toyt» («не иметь хлеба хуже смерти»). Другие между тем имеют отчетливое еврейское культурное содержание: «In a tsholent un in a shidekh kukt men nit tsu fil arayn» («не надо смотреть слишком пристально на чолнт и на сватовство»); «Es nit di khale far der ha-moytse» («не ешь халу до благословения»); «Dos beste milkhiks in di payn teg iz dokh a shtikl fleysh» («лучшее молочное на девять дней⁴², конечно, кусок мяса»); «A shmek tabek iz oykh a gmiles-khesed» (буквально: «щепотка табака – тоже благотворительность»⁴³).

Пульнер придавал особое значение реконструкции *folks-shteyger* (народного образа жизни) и тому, как изучение выражений, связанных с едой, «дает нам возможность и материалы <для> изучения языка, народной психологии и философии» [Pulner 1926, 39]. Позднее Кагаров в своем письме в

⁴¹ О Кагарове см. [Greenbaum 1978, 28, 152; Kan 2009, 346, 387; Шахнович 2017, 571–581].

⁴² Вероятно, это ироническая отсылка к обычаю отмечать разрушение Первого и Второго Храмов 9 ава (*тиша-бе-ав*), избегая с 1 по 9 ава мясную пищу.

⁴³ Как беспроцентная ссуда.

1939 г., написанном в поддержку перевода Пульнера на более высокую научную должность, привел более подробное идеологическое обоснование ценности его исследования:

В области еврейского фольклора наиболее выдающимся трудом И.М. Пульнера следует признать его монографию «Еврейские пословицы и поговорки о пище» (свыше 4 печат. л.), к сожалению, еще не напечатанную. Здесь автор удачно polemизирует с буржуазными учеными, утверждающими, будто в ходе исторического процесса пословицы не изменяют своего характера и семантики, и на обширном материале доказывает, что, подобно остальным произведениям устного (народного) творчества, пословицы и поговорки на протяжении истории часто подвергаются идеологическому переосмыслению в процессе классовой борьбы⁴⁴.

Существует ли переделанный вариант рукописи, где была бы более значима роль «классовой борьбы» в еврейских поговорках о еде, – предстоит выяснить в дальнейшем. Как бы то ни было, в это время Пульнер руководил еврейским отделом Государственного музея этнографии и, как отмечалось выше, написал ряд докладных записок руководству, в которых настаивал на важности увеличения усилий по сбору и изучению еврейской материальной культуры, в том числе обрядов и верований, связанных с едой. Следует отметить, что этот акцент на материальной культуре был частью более широкой программы Пульнера, связанной с описанием различных форм еврейского «культурного творчества» и направленной на опровержение антисемитской нацистской пропаганды⁴⁵. Эта идея нашла свое широкое отражение в выставке 1939 г. «Евреи в царской России и в СССР», которая, как позволяют предположить архивные заметки Пульнера, должна была проиллюстрировать силу и жизнеспособность еврейского народа на примере музыки, театра и ремесел. Возможно, именно в этом контексте можно рассматривать приобретение Пульнером во время экспедиции в Бершадь и Бердичев в конце 1930-х годов 52 предметов, связанных с еврейской едой, включая оловянные и деревянные формы для выпечки. «В Бершади и Бердичеве мною приобретена коллекция образцов <относящихся к> еврейской пище в 52 предмета. Приобретенная коллекция ценна тем, что имеет в своем составе ряд образцов, уже малоупотребительных в современном быту и весьма интересных в этнографическом отношении»⁴⁶. В этом же отчете Пульнер вновь предупреждал, что возможности для сбора

⁴⁴ [РЭМ, Ф. 9. Оп. 2. Д. 35. Л. 8]. Подписано Кагаровым: «Зав. Кабинетом Кавказа, Институт Этнографии Академии Наук СССР, доктор исторических наук, Профессор / Е. Кагаров. Ленинград. 12 июля 1939 г.».

⁴⁵ Ср. нацистскую выставку «Вечный еврей» в Мюнхене.

⁴⁶ Отчет И.М. Пульнера о командировке к украинским евреям в Бершадь, Бердичев, Одессу, Киев от 25.03.1940 (7 лл.) [РЭМ, Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 5].

артефактов еврейской материальной культуры сужаются в результате быстрых темпов советской модернизации [РЭМ, Ф. 9. Оп. 1. Д. 25. Л. 1].

Изображения нескольких связанных с едой артефактов, приобретенных Пульнером во время этой поездки, в том числе формы для выпечки праздничного печенья, можно найти в [Урицкая, Якерсон 2009, 99–103]⁴⁷. Легко забыть о том, что эти предметы, прекрасно воспроизведенные в высококачественном фотоальбоме, прошли многочисленные стадии перемещения и изъятия из контекста с тех пор, как Пульнер впервые приобрел их в Бердичеве с целью научного изучения и экспонирования в музее. При взгляде из постсоветской эпохи они свидетельствуют о восстановлении давно утраченного еврейского культурного наследия, порушенного «перегибами» советской эпохи. Однако, если рассматривать их в свете неопубликованных рукописей Пульнера – не только «Еврейских пословиц и поговорок о еде», но и его записок, в которых он призывал активизировать усилия по сбору еврейского этнографического материала, – они также послужат свидетельством того значения, которое Пульнер придавал идее «еврейской материальной культуры» в те времена, когда фольклор был присвоен как сталинским, так и нацистским режимами⁴⁸.

Между фольклором и «производительными силами»: интерпретация еврейской материальной культуры

Когда статья Зязевой и Шангиной была опубликована в 1969 г. в «Советиш Геймланд», «материальная культура», по-видимому, представлялась идеологически безопасной отправной точкой для обсуждения еврейской коллекции в Государственном музее этнографии.

Упомянутые исключительно в контексте эпохи Российской империи, оторванные от наследия Ан-ского, эти артефакты – традиционная одежда, головные уборы, изделия из металла и т.д. – были представлены читателям «Советиш Геймланд» как археологические объекты давних времен. Всего несколько лет спустя такие авторы, как Бейдер и Виньковецкий, открыто ссылались на Ан-ского, Пульнера и богатые еврейские архивы в Государственном этнографическом музее, однако диапазон воздействия этих статей был ограничен, поскольку язык идишского журнала «Советиш Геймланд» был недоступен большинству советских граждан, интересующихся еврейской историей и культурой, и его читательская аудитория оставалась весьма незначительной (см., например: [Khazanov 1987, 54]).

⁴⁷ Эти предметы находятся в коллекции № 6406 Российского этнографического музея. Модели этих предметов были изготовлены из гипса, бумаги и воска. Следует уточнить, кто именно их сделал и были ли они представлены на выставке 1939 г.

⁴⁸ О фольклоре в конце 1930-х гг. см. [Hirsch 2005, 268–272].

Обращение к «материальной культуре» как идеологически оправданный подход к еврейской этнографии нуждается в тщательном анализе и исторической контекстуализации. В 1920-е и 1930-е годы еврейские артефакты, первоначально собранные в последние годы Российской империи (многие из них – во время экспедиций Ан-ского), были конфискованы советским государством и подвергнуты идеологической реинтерпретации учеными (преимущественно еврейскими). Чтобы иметь научную и, следовательно, идеологическую ценность, «материальная культура» должна была быть помещена в исторический и социально-экономический контекст, а фольклор мог дать представление о ценности этих объектов. В то же время некоторые ученые утверждали, что еврейский фольклор следует изучать, но не выставлять на публичное обозрение⁴⁹, другие же, подобно Пульнеру, считали, что дореволюционная еврейская культура должна быть представлена публике в образовательных целях. Религиозные верования, суеверия, магические заклинания, средства народной медицины, ритуалы и т.д. якобы следует демонстрировать, чтобы подчеркнуть драматический контраст «старого» и «нового» и преимущества советской эпохи. Возможно, эта формулировка придала категории «еврейская материальная культура» гибкость, обеспечивавшую идеологически безопасную основу для изучения фольклора (без риска вызвать обвинения в «буржуазном национализме» или «народничестве»). Более того, в конце 1930-х годов понятие «еврейское народное творчество», некогда связанное с отрицательной оценкой «народника» Ан-ского, было использовано для борьбы с нацизмом и опровержения расистских теорий о том, что евреи паразитируют на культуре других народов⁵⁰.

В более широком смысле восстановление деталей, связанных с еврейской «материальной культурой» в советские 1920-е и 1930-е годы, может способствовать обнаружению преемственности, а не только разрывов в еврейской этнографической науке до и после 1917 г. В свою очередь это может помочь осознанию того, как мы определяем «полезное прошлое». Когда распался Советский Союз и для исследователей открылись архивы, этнографическое и литературное наследие Ан-ского, его экспедиции в черту оседлости в 1912–1914 гг. и его великая пьеса «Диббук» по понятным причинам произвели огромное впечатление как на ученых, так и на неспециалистов. В первое постсоветское время наследие Ан-ского служило свидетельством необходимости в реконструкции еврейской культуры и поисках ценностей прошлого, причем не только в бывшем Советском Союзе. Как

⁴⁹ Такие, как Меир Винер (то, что он называл «Пуримской этнографией»), см. [Krutikov, 175].

⁵⁰ В ряде случаев Пульнер называет достижения еврейской народной культуры в качестве опровержения утверждений «фашистских каннибалов». См., например, текст путеводителя выставки [Государственный музей этнографии 1939, 16].

признавал еще Виньковецкий в своей статье в «Советиш Геймланд» в 1975 г., когда он реконструировал прошлое, между Пульнером и Ан-ским была прямая связь.

Работы Пульнера свидетельствуют о том, что он остро осознавал бег времени и необходимость документировать недавнее прошлое прежде, чем исчезнут все его следы. Действительно, он и его коллеги пытались описывать культурные изменения, которые испытывали сами. Неравные отношения между советским государством и учеными было сложным: исследователи работали в обстановке идеологического насилия, восприятия науки как орудия, и их наследие, по сравнению с наследием Ан-ского, неоднозначно. Как эти ученые, подобно Пульнеру, пытались обсуждать «старое» и «новое», как они научились говорить на государственном языке, чтобы продолжать научные исследования в новом стиле, и даже то, как они вольно или невольно становились деятелями этого режима, также является частью прошлого, которое должно быть интегрировано в историю современной еврейской науки. В этой связи недавнее повторное появление рукописи «Еврейские пословицы и поговорки о еде» после многолетней миграции по миру может послужить удачным поводом для переоценки соотношения между «подходящим» и «неподходящим» прошлым.

Источники

- Архив РНБ – Фонд архивных документов Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург.
РЭМ – Архив Российского Этнографического музея.
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
Pulner 1926 – *Pulner I. Yidishe shprikhverter un redns-artn vegn shpayz* (рукопись в YIVO. RG 2131, box 1).

Литература

- Ан-ский 1908 – *Ан-ский С.* Еврейское народное творчество // Пережитое. Т. 1. 1908. С. 276–314.
Богораз 1926 – Еврейское местечко в революции. Очерки / Под ред. В.Г. Тана-Богораз. М., 1926.
Государственный музей этнографии 1939 – Евреи в царской России и в СССР: краткий путеводитель по выставке. Л., 1939.

- Иванов 2010 – *Иванов А.* «Евреи в царской России и в СССР»: выставка достижений еврейского хозяйственного и культурного строительства в Стране Советов // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 158–182.
- Пульнер 1928 – *Пульнер Й.* Обряди й повір'я, сполучені з вагітною, породілею й народженням у жидів // Етнографічний вісник. Київ, 1928. Кн. 8. С. 100–114.
- Пульнер 1931 – *Пульнер И.М.* Вопросы организации еврейских этнографических музеев и еврейских отделов при общих этнографических музеях // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 156–163.
- Пульнер 1936 – *Пульнер И.* Итоги и задачи изучения кавказских (грузинских и горских) евреев // Советская этнография. 1936. № 4–5. С. 105–121.
- Урицкая, Якерсон 2009 – *Урицкая Л.Б., Якерсон С.М.* Еврейские сокровища Петербурга: ашкеназские коллекции Российского этнографического музея. СПб.: «Арка», 2009.
- Хаздан 2014 – *Хаздан Е.* Еврейская свадьба в диссертации И.М. Пульнера // Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей. М., 2014. Вып. 49. С. 207–222.
- Шахнович 2017 – *Шахнович М.М.* Е.Г. Кагаров и Музей истории религии Академии наук СССР // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 571–581.
- Штернберг 1926 – *Штернберг Л.Я.* Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Под ред. Л.Я. Штернберга. Л.: «Красная газета», 1926.
- An-sky 1914 – *An-sky S.* Dos yidishe etnografishe program. Ershter teyl: der mentsh / Ed. by I.L. Shternberg. Petrograd: Yosef Luria, 1914.
- Beider 1974 – *Beider Ch.* Leningrader motivn // Sovetish Heymland. 1974. № 2.
- David-Fox, Péteri 2000 – *Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Regime in Russia and East Central Europe* / Eds. M. David-Fox, G. Péteri. Westport, Connecticut: Berkin & Garvey, 2000.
- Deutsch 2011 – *Deutsch N.* The Jewish Dark Continent: Life and Death in the Russian Pale of Settlement. Cambridge: Harvard University Press, 2011.
- Greenbaum 1978 – *Greenbaum A.* Jewish Scholarship and Scholarly Institutions in Soviet Russia 1918–1953. Jerusalem: Hebrew University, 1978.
- Estraikh 2008 – *Estraikh G.* Yiddish in the Cold War. Oxford: Legenda, 2008.
- Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Ivanov 2013 – *Ivanov A.* The Exhibition “Jews in Tsarist Russia and in the USSR” and the Closure of the Jewish Modernization Project in the Soviet Union, 1937–1941 // East European Jewish Affairs. 2013. Vol. 43. Issue 1.
- Kan 2009 – *Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

- Khazanov 1987 – *Khazanov A.* Igor Krupnik's Survey of Jewish Studies in the USSR: A Comment // *Soviet Jewish Affairs* Vol. 17. № 3. 1987. P. 51–54.
- Krementsov 2006 – *Krementsov N.* Big Revolution, Little Revolution: Science and Politics in Bolshevik Russia // *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 73. № 4. Winter 2006. C. 1173–1204.
- Krupnik 1988 – *Krupnik I.* Tsu der geshikhte fun etnografishe kolektsyes // *Sovetish Heymland*. № 7. 1988.
- Krupnik 1989 – *Krupnik I.* Jewish Holdings of the Leningrad Ethnographic Museum // *Soviet Jewish Affairs*. Vol. 19. № 1. 1989. P. 35–48.
- Krutikov 2011 – *Krutikov M.* From Kabbalah to Class Struggle: Expressionism, Marxism, and Yiddish Literature in the Life and Work of Meir Wiener. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011.
- Martin 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939. Cornell University Press, 2001.
- Mogil'ner 2019 – *Mogil'ner M.* ARA relief campaign in the Volga region, Jewish anthropometric statistics, and the scientific promise of integration // *Science in Context*. Vol. 32. 2019. P. 5–24.
- Pevzner 2008 – *Pevzner E.* The Story of One Collection // *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. Vol. 2. 2008. P. 52–72.
- Pulner 1929 – *Pulner I.* Zur Volkskunde der georgischen Juden // *Mitteilungen zur Jüdischen Volkskunde*. Wien, 1929. P. 60–65.
- Safran 2010 – *Safran G.* Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Harvard University Press, 2010.
- Sokolova 2017 – *Sokolova A.* Between Ethnography of Religion and Anti-religious Propaganda: Jewish Graphics in the Leningrad and Moscow Museums in 1930s // *Three Cities of Yiddish: St Petersburg, Warsaw and Moscow* / Ed. by G. Estraiikh, M. Krutikov. Oxford: Legenda, 2017. P. 158–193.
- Shcherbakova [in print] – *Shcherbakova M.* Between Two Worlds: Jewish Exhibitions in the Museums of Soviet Ukraine (1919–1939) // *100 Jahre Ukrainer – Narrative jenseits des historischen Mainstreams* / Eds. S. Rindlisbacher, D. Tolkatsch. Köln; Wien (in print).
- Veidlinger 2009 – *Veidlinger J.* Jewish Public Culture in the Late Russian Empire. Indiana University Press, 2009.
- Vinkovetzky 1975 – *Vinkovetzky A.* Dos lebn un di arbet fun an etnograf // *Sovetish Heymland*. № 12. 1975.
- Yalen 2007 – *Yalen D.* Documenting the 'New Red Kasrilevke': Shtetl Ethnography as Revolution Narrative // *East European Jewish Affairs*. Vol. 37. № 3. December 2007. P. 353–375.
- Yalen 2016 – *Yalen D.* After An-sky: I.M. Pul'ner and the Jewish Section of the State Museum of Ethnography in Leningrad // *Going to the People: Jews and the Ethnographic Impulse* / Ed. J. Veidlinger. Indiana University Press, 2016. P. 119–145.

Ziazeva, Shangina 1969 – *Ziazeva L., Shangina B. Yidishe kolektsyes inem Leningrader etnografishn muzei // Sovetish Heymland. № 1. 1969.*

Перевод В. Мочаловой

Tracing the Scholarly Legacy of I.M. Pul'ner: A Detour through the Pages of *Sovetish Heymland*

Deborah Yalen (Department of History, Colorado State University-Fort Collins, USA)
Associate Professor, Department of History, Colorado State University; Book Review Editor,
East European Jewish Affairs
E-mail: Deborah.Yalen@colostate.edu
ORCID ID: 0000-0002-0005-3765

Abstract: This article explores the scholarly legacy of I.M. Pul'ner, director of the Jewish Section of the State Museum of Ethnography in Leningrad from the late 1930s until the Nazi invasion of the Soviet Union, and considers the significance of material culture for Soviet Jewish ethnography during the interwar period. It also traces the rediscovery of Pul'ner by Soviet Jewish intellectuals in the 1970s, and the global journey of a long-lost archival document, which is now preserved at the YIVO Institute for Jewish Research in New York City.

Keywords: I. Pulner, State Museum of Ethnography, Sovetish Heymland, YIVO, Jewish material culture, «Jewish Proverbs and Sayings about Food»

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.4

References:

- An-skii S. *Evreiskoe narodnoe tvorchestvo // Perezhitoe. 1908.*
An-sky S. *Dos yidishe etnografishe program. Ershter teyl: der mentsh /*
Ed. by I.L. Shternberg. Petrograd: Yosef Luria, 1914.
Beider Ch. *Leningrader motivn // Sovetish Heymland. 1974. № 2.*
David-Fox, Péteri 2000 – *Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Regime in Russia and East Central Europe / Eds.*
M. David-Fox, G. Péteri. Westport, Connecticut: Berkin & Garvey, 2000.

- Deutsch N. *The Jewish Dark Continent: Life and Death in the Russian Pale of Settlement*. Cambridge: Harvard University Press, 2011.
- Evreiskoe mestechko v revoliutsii. Ocherki / Pod red. V.G. Tana-Bogoraz. M., 1926.
- Evrei v tsarskoi Rossii i v SSSR: kratkii putevoditel' po vystavke. Leningrad, 1939.
- Greenbaum A. *Jewish Scholarship and Scholarly Institutions in Soviet Russia 1918–1953*. Jerusalem: Hebrew University, 1978.
- Estraikh G. *Yiddish in the Cold War*. Oxford: Legenda, 2008.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Ivanov A. The Exhibition “Jews in Tsarist Russia and in the USSR” and the Closure of the Jewish Modernization Project in the Soviet Union, 1937–1941 // *East European Jewish Affairs*. 2013. Vol. 43. Issue 1.
- Ivanov A. “Evrei v tsarskoi Rossii i v SSSR”: vystavka dostizhenii evreiskogo khoziaistvennogo i kul'turnogo stroitel'stva v Strane Sovetov // *Novoe literaturnoe oborzrenie*. 2010. № 102. P. 158–182.
- Kan S. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Khazanov A. Igor Krupnik's Survey of Jewish Studies in the USSR: A Comment // *Soviet Jewish Affairs* Vol. 17. № 3. 1987.
- Khazdan E. *Evreiskaia svad'ba v dissertatsii I.M. Pul'nera // Krug zhizni v slavianskoi evreiskoi kul'turnoi traditsii: sbornik statei*. Moskva, 2014. Vyp. 49. P. 207–222.
- Krementsov N. Big Revolution, Little Revolution: Science and Politics in Bolshevik Russia // *Social Research: An International Quarterly*. Vol. 73. № 4. Winter 2006. P. 1173–1204.
- Krupnik I. *Tsu der geshikhte fun etnografishe kolektsyes // Sovetish Heymland*. 1988. № 7.
- Krupnik I. *Jewish Holdings of the Leningrad Ethnographic Museum // Soviet Jewish Affairs*. Vol. 19. 1989. № 1.
- Krutikov M. *From Kabbalah to Class Struggle: Expressionism, Marxism, and Yiddish Literature in the Life and Work of Meir Wiener*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001.
- Mogil'ner M. ARA relief campaign in the Volga region, Jewish anthropometric statistics, and the scientific promise of integration // *Science in Context*. Vol. 32. 2019. P. 5–24.
- Pevzner E. *The Story of One Collection // Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. Vol. 2. 2008. 52–72.
- Pulner I. *Zur Volkskunde der georgischen Juden // Mitteilungen zur Jüdischen Volkskunde*. Wien, 1929.
- Pul'ner I. *Obriadi i povir'ia, spolucheni z vagitnoiu, porodileiu i narozhdentsem u zhidiv // Etnografichnii visnik*. Kiiv, 1928. Kn. 8.

- Pul'ner I.M. Voprosy organizatsii evreiskikh etnograficheskikh muzeev i evreiskikh otdelov pri obshchikh etnograficheskikh muzeiakh // Sovetskaia etnografiia. 1931. № 3–4.
- Pul'ner I. Itogi i zadachi izucheniia kavkazskikh (gruzinskikh i gorskikh) evreev // Sovetskaia etnografiia. 1936. № 4–5.
- Safran G. *Wandering Soul: The Dybbuk's Creator*, S. An-sky. Harvard University Press, 2010.
- Sokolova A. *Between Ethnography of Religion and Anti-religious Propaganda: Jewish Graphics in the Leningrad and Moscow Museums in 1930s* // *Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw and Moscow* / Ed. by G. Estraikh, M. Krutikov. Oxford: Legenda, 2017. P. 158–193.
- Shcherbakova M. *Between Two Worlds: Jewish Exhibitions in the Museums of Soviet Ukraine (1919–1939)* // *100 Jahre Ukrainer – Narrative jenseits des historischen Mainstreams* / Eds. S. Rindlisbacher, D. Tolkatsch. Köln; Wien (in print).
- Shakhnovich M.M. E.G. Kagarov i Muzei istorii religii Akademii nauk SSSR // Vestnik SPbGU. Filosofii i konfliktologii. 2017. T. 33. Vyp. 4. S. 571–581.
- Shternberg L.Ia. *Materialy po svad'be i semeino-rodovomu stroiu narodov SSSR* / Pod red. L.Ia. Shternberga. Leningrad: «Krasnaia gazeta», 1926.
- Uritskaia L.B., Iakerson S.M. *Evreiskie sokrovishcha Peterburga: ashkenazskie kollektsii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia*. St.-Peterburg: Arka, 2009.
- Veidlinger J. *Jewish Public Culture in the Late Russian Empire*. Indiana University Press, 2009.
- Vinkovetzky A. *Dos lebn un di arbet fun an etnograf* // *Sovetish Heymland*. № 12. 1975.
- Yalen D. *Documenting the 'New Red Kasrilevke': Shtetl Ethnography as Revolution Narrative* // *East European Jewish Affairs*. Vol. 37. № 3. December 2007.
- Yalen D. *After An-sky: I.M. Pul'ner and the Jewish Section of the State Museum of Ethnography in Leningrad* // *Going to the People: Jews and the Ethnographic Impulse* / Ed. J. Veidlinger. Indiana University Press, 2016.
- Ziazeva L., Shangina B. *Yidishe kolektsyes inem Leningrader etnografishn muzei* // *Sovetish Heimland*. 1969. № 1.